

Г.Померанц

С оглядкой на Рюриковичей

В народном сознании, нацеленном на победу, победа все списывает – все безобразия опричнины, все сталинские преступления. Интересно привести несколько заметок Марка Харитоновна, сделанные в то время, когда он работал над книгой «Два Ивана». Мысли его крутились вокруг Ивана Грозного, и все время возникали ассоциации между образом Грозного в народной памяти и вероятной судьбой образа Сталина в истории.

«Увы, народ в истории не только безмолвствует, он еще оставляет исторические песни. О праведном гневе царя Ивана Васильевича, например, выведившего на Руси крамолу. И народолюбивые историки разводят руками перед этим голосом, приравненным к гласу Божьему: недаром ведь в народной памяти сложился образ грозного царя. Ах, недаром.

Живи Сталин во времена, когда не было интеллигенции – и нам осталось бы фольклорное (или якобы фольклорное) умиление («на дубу зеленом»)¹. Не повезло негодяю: сложилась уж порода свидетелей, потерявших невинность холопского почтения ко всякой власти, силе, величию. Когда-то такими интеллигентами были летописцы: в их строках живет строгое нравственное чувство.

Анекдотичные примеры бывают всего нагляднее: пришла к нам песня и о совсем недавней русской истории – о Распутине. Распутин – так это звучит. Красивый и смелый простолюдин с огнем в глазах пришел в царский дворец. Он проповедовал Библию, как пророк. Царь доверил ему править страной, и всё было хорошо. Но пришла к Распутину беда – он полюбил царицу. И это оказалось ему губительным. Кое-кому не понравился простолюдин–пророк, презревший запреты, провозгласивший свободную любовь и ставший любовником царицы...

¹ В песне прославляются два сокола – Ленин и Сталин.

И попробуй вытесни потом из сознания миллионов этот образ подлинным» (М.Харитонов. Стенография конца века. М., 2002, с. 90-91)².

«Возможно ли, чтобы в Англии кто-нибудь стал оправдывать Макбета или Ричарда III, обосновывая политику современных королей? А у нас Иван Грозный до сих пор чуть ли не злободневный персонаж. Поразительна не только неизжитость проблем нашей истории, но сам образ мышления, ищущий, как в Средние века, опоры в предании: в опричнине – поддержку и аналогию сталинскому террору, в царях, завоевателях и тиранах – целеустремленных пролагателях «исторически прогрессивного» пути к нынешнему державному порядку.

Именно из-за этой неизжитости мы судим о том же Иване и его опричнине более яростно и заинтересованно, чем французы о погромщиках Варфоломеевской ночи. Там, кажется, уже всерьез и не спорят об этом, разве что о Робеспьере. Наше татарское рабство не изжито, увы, внутри нас – и потому мы не вполне свободны в суждениях о жестокостях 400-летней давности» (с. 91).

И далее «Две цитаты на темы Грозного:

«В годы, непосредственно предшествовавшие вступлению на престол Ивана Васильевича ...Россия стала Телом Христа... Иван необыкновенно остро ощущал мистическую природу вверенного ему судьбою тела... И между двумя мистическими инстанциями – Россией и Иваном Грозным – отношения не могли установиться иначе как по законам невидимого царства духа, недоступного пониманию современных историков... Драматизм был в том, что получившая единую христианскую душу Русь стала вдруг как бы прообразом Царства Божия, которым не нужно управлять и в котором все совершается наилучшим образом по высшим законам религии, любви и братства. Но поскольку она всё же не была настоящим Божьим царством,... управлять ею всё-таки было необходимо... Иван понял, что для того, чтобы управлять

² Марк Харитонов в 1979 году не мог предвидеть предложения канонизировать Распутина. Дошло и до этого.

монолитной душой России, нужно оказаться вне этой души. Но как он мог оказаться вне России, оставаясь в центре России? Только одним способом: создав внутри России особую страну, которая Россией в смысле христианского тела не являлась бы».

Это об опричнине...

В.Тростников. Трагедия Ивана Грозного. – «Русское возрождение», 1980, № 12.

А вот Даниил Андреев – из «Розы мира»: эпоха Грозного и Смуты стала «рубежом в развитии русского сознания... слишком явным и жгучим было дыхание антикосмоса, спалившее современников Грозного и Лжедмитрия. Впервые в своей истории народ пережил близость гибели, угрожавшей не от руки открытого для всех явного внешнего врага, как татары, а от непонятных сил, таящихся в нем самом и открывающих врата врагу внешнему, – сил иррациональных, таинственных и тем более устрашающих. Россия впервые ощутила, какими безднами окружено не только физическое, но и душевное ее существование. Неслыханные преступления, безнаказанно совершавшиеся главами государства, их душевные трагедии, выносившиеся напоказ всем, конфликты их совести, их безумный ужас перед загробным возмездием, эфемерность царского величия, непрочность всех начинаний, на которых не чувствовалось благословения свыше, массовые видения светлых и темных воинств, борющихся между собой за что-то самое священное, самое коренное, самое неприкосновенное в народе, может быть, за какую-то божественную его сущность, – такова была атмосфера страны от детства Грозного до детства Петра» (с.92).

Несколько ниже, после анализа мыслей Марины Цветаевой о Пугачеве, Харитонов пишет: «О народе, я уже размышлял на эту тему по поводу отношения к Ивану Грозному: для песен тоже были отобраны легенды об исключительной милости (как царь спас добра молодца от правежа, наградил казной, наказал обидчиков и т.п.). Ведь Разин из песен – тоже не реальный

Разин; о реальном Разине есть исторические свидетельства, сравнимые со свидетельствами о Пугачеве.

Народ – лучший судия?.. Тут в чем-то другом было дело. Не в поиске истины («народ» этим не озабочен, а может быть в необходимости иметь посильную основу – пусть не Бог весть какого, но устойчивого существования. (Для этого нужна и государственность любой ценой, и военная победа). Истины самых мыслящих, совестливых, трезвых людей бывают не только не нужны для поддержания этой устойчивости, но опасны, разрушительны.

И что такое «народ»? Если понимать под этим массу, прежде называвшуюся «простонародьем», т.е. массу людей минимального образовательного ценза, то почему я заведомо должен признавать первородство любых его оценок, нравственных, даже литературных? Русская традиция народопоклонства порождена отчасти давней неразвитостью у нас культурного, интеллигентского слоя, его самосознания, отчасти задавленностью самого народа, которому всегда недодавали, что вызывало совестливые комплексы у интеллигенции. В этой совестливости была своя истина, свое достоинство. Но теперь уже почти нет того народа, который творил песни, исходил из предания. Сейчас его формирует не мифическая «народная память», а телевидение (словно кот–баюн, способный рассказывать приятные сказки) да еще водка. Так ведь и сто лет назад представление о «народе–богоносце» было больше вымечтанным мифом, чем действительностью; опыт следующих лет это слишком показал... Во всех слоях существовало меньшинство, независимо от образовательного ценза; вот оно для меня авторитет. Но это не то же, что «народ».

Какие «народные ценности» помешали немцам пойти за Гитлером? Ведь Гитлера принял народ – в отличие от совестливых одиночек. Кто поставлял у нас и у них кадры палачей, охранников, доносчиков? Обманутый инстинкт может привести к национальной катастрофе (в случае поражения; победа видоизменила бы и растянула бы вырождение народа; немцев катастрофа от вырождения все-таки спасла).

Словом, у «народа» и незаурядной личности просто разные задачи в истории. И те, и другие нужны, только личности вовсе незачем бездумно обожествлять «народ» и его критерии. Важно знать им цену. Это не мешает восхищаться тем, что заслуживает восхищения» (с. 115-116).

Размышления Харитоновы заставляют предполагать возможность нескольких новых волн идеализации Сталина; Сталин преобразуется в борца с бюрократами, с ворами и взяточниками. На самом деле, Сталин сажал людей честных и не способных скрыть своего возмущения явным злом да еще крестьян, вынужденных воровать с колхозного поля, чтобы не умереть с голоду. Но народ возмущен сегодняшним злом и надеется на доброго царя и выдумывает его.

У Зинаиды Миркиной был разговор на коктебельском пляже с местным жителем, ловившим рыбу. Рыбак подошел и спросил, так же ли трудно в Москве. Выслушав Зинаиду Александровну, он заключил: Сталин нужен.

В завязавшемся разговоре выяснилось, что он о реальном прошлом довольно многое знает. Знает, что сажали «за колоски» (то есть за сбор оброненных колосков на колхозном поле). И «Архипелаг» он читал; понравилось. «Но что делать? – спросил он. – Вот пенсия у соседки была 30 гривен (150 руб.), а счет за квартиру пришел на 50 гривен. И старуха повесилась».

Я пытался писать в газету об одном современном случае. Статье как будто повезло. Она сразу попала в руки сочувствующего журналиста, тот попросил прибавить пару страниц, я прибавил, и сразу же всё было напечатано; кстати и про мой юбилей помянули. Но отклика не было никакого. Месяц спустя я имел случай побеседовать с двумя депутатами. Оба статьи не читали. Думаю, что и в министерстве здравоохранения никто не прочел. А писал я вот что:

«Товарищ правительство!

Я не о Лиле Брик прошу и не за себя. После дефолта я поморщился и обратился к моим читателям, которые посостоятельнее, с просьбой помочь

насчет лекарств (все дорогие запрещено было прописывать, а мне нужны были как раз дорогие). Постепенно привык к частной благотворительности и в поликлинику ходил только за тем, что не дороже трехсот рублей с чем-то. Так и в марте зашел, но оказалось, что Министерство здравоохранения установило каждой поликлинике лимит на прописывание амловаса (средство от гипертонии. – Ред.), и этот лимит на март был исчерпан уже четвертого числа. Вот если бы я зашел третьего марта, особенно с утра... Тогда я мог бы встать в очередь, чтобы получить свои таблетки в аптечном ларьке.

Я не возмутился, потому что ничего хорошего и не ждал. Раньше рецепты (на недорогие лекарства) выписывали, но в ларьке нужного часто не было. Теперь вот и вовсе прижали. Я пошел домой, позвонил в фирму, и через три часа мне лекарство прислали – сразу на три месяца. Но ведь у подавляющего большинства моих сверстников такой возможности нет. И стоит на первом этаже поликлиники унылая очередь стариков и старух.

Конечно, можно заставить нефтяных магнатов платить земельную ренту за недра, из которых они выкачивают «черное золото». Тогда хватило бы и на учителей, и на врачей, и на старух. Но провести давно задуманный закон невозможно: «черное золото» обменивается на желтое, а желтое – на голоса депутатов. Министерство финансов жмет на Министерство здравоохранения, а Минздрав – на того, кто с краю, конечно же, не на магнатов.

Не так давно Министерство социального обеспечения получило указание быть внимательнее к нам, участникам Сталинградской битвы. Очень долго проверяли документы. Я насилу отыскал полуистлевшую справку (интересно было, что из всего этого шума выйдет). Нас собрали, угощали водкой. Закуска богатая – бутерброды с икрой, жареная курица. Выпив, старики разговорились – что надо вернуть Сталинграду его имя. Я собрался было им возразить, но убедился, что один сосед глуховат, а другой слепнет, и пожалел их иллюзии.

Глохнувший ветеран назвал 9 октября вторым своим днем рождения. Его тогда вытащили из-под обломков рухнувшего здания. Трое из сорока подавали

признаки жизни. Двое выжили...

Как ему отказаться от чувства, что тогда он отдавал свою жизнь за БЕЗУСЛОВНО правое дело, и веры в то, что слово Сталинград должно навеки звучать так, как оно звучало для его защитников?

Я был ранен в феврале 42-го, в очень плохо организованном наступлении против 16-й немецкой армии. И в госпитале задумался, какую роль в нашей неумелости сыграл безумный сталинский террор. У России годы размышлений, годы расставания с иллюзиями все еще впереди. Простой, прямолинейный ум противится этой работе. Для него мучительно думать, почему поражение привело Германию к богатству, а победа привела нас к нищете. Мучительно думать, что Сталинградская битва – это и победа России, и победа тирана, изнасиловавшего Россию, а жизнь, в которой ветераны замерзают насмерть в нетопленных квартирах, заставляет золотить прошлое.

Мне расхотелось спорить со сверстниками. Они свое дело сделали. И спасибо за то, что вспомнили нас, что накануне Дня защитника Отечества еще раз позвонили каждому и спросили, не нужно ли нам чего-нибудь: «Может, телевизор отремонтировать?» «Нет, телевизор у нас в порядке, – ответила жена, взявшая трубку. – Нам лекарства нужны». «Этого мы не можем», – ответила дама из центра социального обслуживания.

И как-то сразу обрисовалось, до чего трудно бюрократической системе быть человеческой! Одно министерство получило указание стать гуманным, а другое – стать экономным.

Может быть, есть какой-то путь получить от добычи нефти и газа хоть часть того, что получают от этого норвежцы? И это дало бы больше, чем переименование Волгограда?

«Может быть, вынести законопроекты, невыгодные коррупционерам, на всенародный референдум? А вдруг сработало бы? И народ почувствует свою силу, выйдет из апатии, поймет, что от него самого все зависит? И сталинское время (не приведи Бог вернуться к нему) перестанет окутываться розовым туманом?...»

Выслушав мои соображения, один из депутатов ответил: деньги есть в пенсионном фонде, и бюджет исполнен с профицитом. Но когда мемориальцы говорили Влиятельному лицу о бедствиях стариков, Лицо ответило: «Ну что ж, кто-то вымрет, зато оставшиеся будут жить лучше».

Что-то вроде закона Нараямы: старикам пора умирать. Но умирают или бродят без призора дети. И халтурщикам, привыкшим, где подработать, а где украсть и пропить, будущее не светит. А честные труженики рассыпаны всюду и всюду не собраны. Они не верят громким словам. Они не знают, как бороться с господством воров и взяточников. Эта коалиция начала складываться за спиной Сталина, занимая места совестливых и самостоятельно мыслящих людей, при Брежневе теневая экономика стала захватывать целые республики и после короткой схватки победила Горбачева. Она приспособилась к демократии, как раньше приспособилась к террору, и правит во всех демократических учреждениях.

Я надеюсь на донкихотов, которые продолжают учить и лечить, на меньшинство, которому тошно от цинизма, но движение к глубинному смыслу жизни может быть только движением меньшинства. Сумеет ли оно задеть, увлечь массу – зависит от Бога и от нашей способности помочь Богу. Я не теряю надежды, но ничего определенного впереди не вижу. А пока массы мечутся от фантомов к цинизму и от цинизма к фантомам и ветераны тешат себя фантомом заботливого Сталина, как заключенные – фантомом амнистии (в лагере такие слухи назывались парашами). Только очень короткое время правда вылезала на первое место в СМИ и захватывала читателей. При Сталине правда пряталась в лагерях. Сегодня ее снова оттеснили куда-то за кулисы. А на авансцене – программа «Апокриф», на авансцене Виктор Ерофеев с идеей фальсификации как чистого искусства, как самого современного воплощения свободы элитного духа. Тем более свободного, что упразднение исторических источников – очень давняя традиция, которая в советское время пережила пышный расцвет.

Ли Хунчжан, взяв в плен тайпанского вана (по русской титулатуре XIX в. – великого князя), счел необходимым его казнить. Но перед этим пленник получил бумагу, тушь и кисточку, – написать свое жизнеописание для имперских анналов. Так принято было издавна.

Конфуцианцы более двух тысяч лет хранили – и сохранили до современных изданий и переводов – «Книгу правителя области Шан», где Шан Ян называет идеи Конфуция червями, пожирающими государство. Мудрость Конфуция требовала сохранять память о каждом значительном событии, о каждой значительной мысли, о каждом значительном человеке, даже позорившем Конфуция в своих писаниях. Живучесть китайской культуры показывает, что это хороший принцип.

В русской традиции ничего подобного нет. Никому не приходило в голову дать Разину или Пугачеву продиктовать свое жизнеописание. Сама идея такой записи, основанная на уважении к истории, выглядит нелепо в нашей стране. Мы до сих пор не знаем, действительно ли Мирович собирался освободить Иоанна VI, или это была провокация, задуманная Екатериной, чтобы устранить претендента на престол. Возможно, Мирович, подобно Леониду Николаеву, был соблазнен обещанием тайной награды за хорошо сыгранную роль. На что иное он рассчитывал? Что бы он сделал со своим Иоанном против гвардейских полков, верных матушке–государыне? Приходится повторять официальную версию, потому что никаких документов, противоречащих этой версии, нет.

Сталин – не первый продолжатель этой традиции и не последний. В конце 80-х годов я как-то упомянул о факте всего лишь тридцатилетней давности, и меня обвинили в клевете. Речь шла о возмущении рабочих Грозного, вызванном инцидентом на дискотеке. У ингуша оказался под рукой кинжал, и он заколол русского парня, с которым поспорил. Это был не первый случай. Возвращение сосланных народов было плохо подготовлено, то и дело возникали конфликты из-за попыток без всяких формальностей вселиться в свой собственный, незаконно отнятый дом. Кинжалы при этом – по слухам! –

не раз пускались в ход. Русские рабочие, еще помнившие, что их сам товарищ Сталин назвал старшим братом в семье народов, возмутились. Они разоружили милицию, избрали рабочий совет – и совет отправил в Москву телеграмму с просьбой изъять город Грозный из Чечено-ингушской АССР. В ответ была поднята целая дивизия, город окружен, и какой-то герой Советского Союза, избранный председателем совета, без боя сдал несколько пистолетов. Воевать с Москвой рабочие и не собирались, они ожидали защиты от мести за чужие преступления (не они же ссылали чеченцев и ингушей!). Москва приказала арестовать зачинщиков. Ходили слухи о расстрелах. Но только слухи.

Я был в те годы связан с молодежью, взбаламученной XX-м съездом. Кто-то из ребят ездил на место, говорил с очевидцами. Так мы узнавали и о других событиях – о бунте в Темир-Тау, подавленном воинской частью нерусского состава (по слухам, русские солдаты отказались стрелять), о кровавом подавлении демонстрации в Новочеркасске... Обо всем этом я упомянул тридцать лет спустя, и на меня пришла жалоба. Ингушский профессор писал, что никаких инцидентов, вызвавших возмущение рабочих, не было и возмущения не было, и требовал привлечь меня к ответственности за разжигание национальной розни.

Меня вызвали в прокуратуру. Я попросил отсрочку и написал другу в Мюнхен. Тот справился в архиве самиздата и прислал мне ксерокопии двух публикаций в эфемерных листках, выходивших при Горбачеве. Авторы публикаций, так же как и я, опирались на устные сообщения. Документы, возможно, были – в архивах КГБ, но они еще не были доступны. Прокуратура закрыла глаза на то, что одно недоказанное сообщение опирается на другие, тоже недоказанные; дело о возбуждении национальной розни было прекращено.

Теперь рассмотрим случай, о котором написана эта книга: прошло не тридцать лет, а семьдесят, и живых свидетелей убийства Кирова больше нет. Остаются только официальные версии или официальные дыры в информации.

И можно фантазировать о прошлом, как о заговоре Мировича, создавать любые сценарии и ставить фильмы, придающие художественному вымыслу характер достоверности. Тогда становится ясной решающая роль рассказов Ольги Григорьевны Шатуновской, лично беседовавшей с конвоиром Гусевым, своими ушами слышавшего крики Леонида Николаева, лично допрашивавшей Кагановича, как он по приказу Сталина сжигал избирательные бюллетени... Все остальные соображения, как мог быть убит Киров, теряют перед этим свою силу. Факт обладает бесконечным весом для историка, и всякий вымысел, самый правдоподобный, становится нулем перед фактом, подтвержденным достоверным свидетелем. Устранить этот факт можно только доказав лживость Ольги Григорьевны Шатуновской. Но тут у меня есть преимущество: я лично знал Ольгу Григорьевну в течение четверти века и убежден в ее правдивости, как в своей собственной. Между тем, историк, назвавший расследование Шатуновской «фальсификацией века, созданной в угоду Хрущеву» (так было передано телевидением), никогда Ольги Григорьевны в глаза не видал, не знает ее действительных отношений с Хрущевым, а валит на нее, как на мертвую (этот оборот речи здесь удивительно к месту). Ибо она в самом деле мертва и не может выступить по телевидению, и умерли все ее старые друзья, убежденные в ее правдивости, – кроме меня, случайно вошедшего в круг ее знакомых и подружившегося с ней, и, конечно, – кроме детей и внуков, записывавших рассказы своей матери и бабушки. Что победит в истории, – архив ЦК, обработанный по указаниям Суслова, или записи, сделанные без всякой политической цели, с одним желанием – сохранить образ замечательной женщины?..

Если верить официальным документам, то польских офицеров в Катыни расстреляли гитлеровцы: и эксгумация была сделана, и пули были извлечены из черепов, – пули немецкого образца, – и какой-то митрополит присутствовал при эксгумации и подтвердил, что все по-честному. А мне рассказывали смолянки (моя первая жена была родом из Смоленска), что любой крестьянин, живший по соседству с Катынью, знает, когда и кто расстреливал. Эта частная

информация оказалась чистой правдой. Официальный подлог был впервые разоблачен Ольгой Григорьевной Шатуновской. Краткая версия ее рассказа Старкову была опубликована в «АИФ», 1990, № 33; стоит привести текст полностью:

«... В частности, Павел Иванович Богоявленский, главный помощник возглавлявшего комиссию Политбюро³ Н.Шверника, сообщил мне следующее.

Все пленные польские офицеры, находившиеся в Катыни, еще до войны с немцами были расстреляны по указанию Сталина. Когда немцы захватили этот район, совершенное злодеяние было раскрыто и о нем узнал весь мир. Но Советское правительство отказалось от этого преступления и приписало его немцам. После того как смоленская область была освобождена, был составлен план, ставивший своей целью доказать, что это дело рук гитлеровцев.

Тогда же была создана комиссия под председательством Шверника, в то время Председателя Президиума Верховного Совета РСФСР, в которую включили митрополита, ученых, писателей для освидетельствования преступления в Катыни. К.Симонов, например, входил в эту комиссию. Но прежде чем комиссия выехала в Катынь, туда была послана группа работников Лубянки. Они выкопали трупы, погрузили их в ящики и привезли в Москву, в Институт судебной медицины. Там из них извлекли пули советского производства и вместо них заложили немецкие, в карманы им положили немецкие газеты и немецкие деньги. Потом трупы отвезли обратно, закопали и поставили на них (т.е. на могилы – Г.П.) вешки.

Комиссия во главе со Шверником и Богоявленским в это время прибыла в Катынь, опять были раскопаны трупы и установлено, что расстрел произведен немцами, потому что пули – немецкие, газеты и деньги – тоже немецкие. Об этом был составлен и обнародован акт, под которым все подписались: и митрополит, и писатели, и ученые, и сам Шверник. И это было так обнародовано.

³ Речь идет о Комиссии по расследованию сталинских преступлений.

Все это сообщил мне

помощник Шверника

Богоявленский, участвовавший в этой операции, план которой был составлен Сталиным. Когда Боявленский беседовал со мной, он смеялся и говорил, что вот как ловко удалось Лубянке провести общественность и вообще весь мир. Между тем думаю, что еще живы некоторые сотрудники НКВД, принимавшие участие в этой акции, а также сотрудники Института судебной медицины» («Рассказывает Ольга Шатуновская», с. 380).

Прошло еще несколько лет – и подлог был признан официально (уже при Ельцине). Новой эксгумации для этого не потребовалось.

* * *

Сейчас стало хорошим тоном писать, что никаких данных об участии Сталина в убийстве Кирова нет. Но у нас об очень многом не осталось данных. Неполнота официальных документов и прямые подлоги – очень давняя традиция. Советская власть шла здесь по хорошо проторенной дороге. Фаина Гримберг, в книге «Две династии», М., 2000, жалуется: «как не имеем мы «полного (более или менее) корпуса» материалов о допросах сторонников Разина, так и допросы по делам пугачевцев столь же смутные и путанные, изобилующие пропусками и умолчаниями (вспомним, с какими трудностями столкнулся Пушкин, когда писал свою Историю пугачевского бунта – главная трудность заключалась в недоступности материалов» (с. 337). Даже такие события, как наводнение, не всегда попадали в печать. Маркиз де Кюстин, столкнувшийся с этой особенностью русских порядков, шутил, что если бы всемирной потоп случился при императоре Николае, мы никогда бы о нем не узнали. В советское время мы просто привыкли, что сведения о происшествиях и катастрофах доходят только по слухам, что нет у нас никаких происшествий, крушений поездов, самолетов, убийств, – только у них. День победы мы празднуем не тогда, когда Кейтель подписал капитуляцию, 8 мая, а на день позже, когда товарищ Сталин выспался и подарил нам праздник. Впрочем, и Рождество мы празднуем по-своему, и только через 49000 лет русское Рождество совпадет с западным. А потом снова разойдется...

* * *

После войны я попал в единственное место, где критически мыслящие личности получили свободу разбирать сталинские подлоги. Прогуливаясь между вахтой и столовой Лагерного пункта № 2 Каргопольлага, мы судили и рядили, где граница между правдой и ложью. Очень не хватало информации. Очень не хватало глубины подхода к информации. Все время мелькали ассоциации между Сталиным и Грозным, но никому не приходила в голову ассоциация с Азефом. Образ Сталина рисовался чудовищным, но крупным, он не снижался до уголовника, который заказал соперника, а потом и киллеров замочил.

Вспомним вопрос Алеши Кутына, почему Орджоникидзе не застрелил Сталина, вместо того чтобы самому застрелиться, и ответ Ольги Григорьевны, – драгоценный ответ – на детский вопрос! – о каком-то демоническом ореоле Сталина, ореоле удава, перед которым люди становились кроликами. Мы не улавливали реальности, в которой удав иногда становился мелким гадом, жалившим людей исподтишка. Прошло несколько лет – Фазиль Искандер уверенно нарисовал эту уголовную ипостась Сталина, а нам она просто не приходила в голову. Магический ореол вокруг вождя распался только после его смерти.

В 1955 году моя знакомая готовилась к экзамену. Нехотя перебирая факты, она легко вычислила, кто убил Кирова, и сказала мне об этом. Я воскликнул: «Какая изящная мысль!» Девушка удивилась: при чем здесь изящество? Я не сразу мог объяснить, при чем, но слово запомнилось, а задним числом изящество решения напоминает мне переход от петель Птолемея к простой модели Коперника. Пока Сталин жил, эта простая мысль – даже в лагере, среди антисоветчиков – никому не пришла в голову. Разве только собеседнику Олега Волкова на Енисее, старику, лично знавшему участников драмы. Мы были молоды, нам в 1934 году было, в лучшем случае, 16 лет (а Жене Федорову – пять лет), и наш образ Сталина носил отпечаток сталинской

пропаганды. Даже сравнение с Иваном Грозным Сталин сам подсказал нам. Николаев-Енисейский, однофамилец убийцы, превосходил нас не умом, а жизненным опытом, памятью времени, когда Сталин еще не был живым богом. Но и Николаеву его вывод дался мучительно трудно. Этот вывод бросал тень на весь исторический процесс, вплоть до святынь утопии. Поэтому и Ольга Григорьевна, открыв роль Сталина – заказчика убийства Кирова – пыталась вывести ее из грязного прошлого агента охранного отделения. И соглашаясь со мной, что можно обойтись и без этой гипотезы, все-таки тянулась к ней. Очень уж хотелось отделить донкихотский порыв ее юности от сталинской грязи. И Николаеву-Енисейскому этого хотелось. Но факты упорно выстраивались в его голове. Он знал людей, обвиненных в убийстве, знал систему охраны, не допускавшей придумку о выстреле одинокого убийцы...

* * *

История неофициальная, подлинная и подноготная, неожиданно дошла до нас из далекого прошлого. Сосед по бараку, служивший в лагере пожарником, рассказал нам о подлоге, который раскрыл. Разбирая древние грамоты, Альшиц натолкнулся на «лицевой», то есть каллиграфически переписанный свод летописи, в который нервной скорописью, на полях был вписан боярский заговор. Альшиц проделал то, что впоследствии Ольга Григорьевна с планом двух террористических центров: отдал документ на графологическую экспертизу; экспертиза подтвердила, что вставка на полях принадлежит царю Ивану Васильевичу. По словам Альшица, статья, где он описал свое открытие, послужила главной причиной ареста. Ему инкриминировался намек на сталинские процессы 30-х годов. Альшиц решительно отрицал преступное намерение, но прогуливаясь с нами, он признавал, что аналогия действительно приходила в голову (все такие разговоры велись на прогулке, вполголоса, называя Сталина по-английски и оглядываясь, нет ли поблизости встречаемых). К сожалению, за Альшица я не могу поручиться, как за Шатуновскую. Он был способен и на выдумки. Но мысль о том, что боярский заговор существовал

только в параноидном мозгу царя, сразу убеждала. Невероятные истории, выдававшиеся за правду на московских процессах, внушали подозрения и в подделке древних свидетельств.

Любопытно, что так же вполголоса, словно государственную тайну, мне рассказали, несколько лет спустя, уже на воле, историю о еще более древнем подлоге. Есть скандинавская сага, в которой заказчиком убийства Бориса и Глеба оказывается не Святополк окаянный, а Ярослав. Имени рассказчика я на этот раз не запомнил. Рассказчик был случайным знакомым. Но под рукой оказалась книга Фаины Гримберг «Две династии» (М., 2000). Там нашлась разгадка. Оказалось, что сага об убийстве Борислейва опубликована и переведена на русский язык очень давно, еще в XIX веке, просто ее не принято вспоминать из пиетета к Повести временных лет и житию святых Бориса и Глеба. Гримберг подробно объясняет, почему у двух русских святых имена не славянские и не библейские, а близкие к именам казанских татар. По ее гипотезе, Борис и Глеб – не сыновья Владимира, а усыновленные им заложники, которыми он по тогдашнему обычаю обменялся с владыкой Казани при заключении вечного мира. Усыновление не давало твердых прав на киевский престол, но не исключало этого (была бы сила). Ярослав, породнившийся с Олавом Норвежским, опирался на скандинавские дружины. Борис мог рассчитывать на своих кровных родственников. «Причиной устранения Бориса и Глеба могло послужить, допустим, то, что они в борьбе за Киев могли рассчитывать на помощь и поддержку как волжских, так и дунайских болгар. О чем свидетельствует, например, предсмертный поход Бориса, который отправился «на печенегов», а их почему-то «не оказалось на месте», а Борис «стал на Альте» – довольно удобно, если он собирался к Дунаю или ждал подкрепления» (с. 130)

«Каноническая версия о убиении Бориса и Глеба Святополком нам хорошо известна. Однако в 1833 году была опубликована одна из исландских саг – «Прядь об Эймунде Хрингссоне». Уже в следующем году это произведение под именем «Эймундовой саги» появилось на русском языке.

Перевод был выполнен

О.И.Сенковским, историком и

филологом, также издававшим популярный журнал «Библиотека для чтения».

Сенковский выступал и как прозаик, под псевдонимом «барон Брамбеус»...

Публикация «Эймундовой саги» вызвала конфликт, Сенковского упрекали в том, что он пытается подорвать авторитет Повести временных лет, лежащей в основе русской истории. Впрочем, на стороне Сенковского, доверявшего скандинавскому источнику, выступил, например, М.П.Погодин... И до сих пор «Сага об Эймунде» остается объектом дискуссионных суждений...

Но каковы же сведения, содержащиеся в этом источнике?

Прежде всего, в саге содержатся сведения о своего рода «втором норманнском ренессансе», когда для борьбы с братьями после смерти отца Ярослав Владимирович использовал наемные дружины норманнов. Этот факт подтверждается и другими источниками, и связан и с женитьбой Ярослава на Ингигерд и с пребыванием в Киеве Олава Норвежского (сага даже утверждает, что Олав и Ингигерд, в русском крещении Ирина, едва ли не правили вместо Ярослава, то есть как бы с его согласия)... Эймунд и Рагнар были предводителями наемных варяжских дружин. Идентифицировать персонажей саги с персонажами Повести временных лет не составляет труда. Вальдамар – это Владимир Святославич, Виссавальд – Вышеслав, Ярислейф – Ярослав, Вартилаф – Брючислав, внук Владимира... Сомнение вызывают два лица – Бурислейф и Бурицлав. Впрочем сага их различает. Бурицлав – это хорошо известный скандинавам польский правитель Болеслав Храбрый, тесть Святополка и союзник. А Бурислейф – известный нам Борис. Любопытно, что «Эймундова сага» – единственный источник, где Борис носит имя, похожее на «Борислав». Впрочем, вполне логично, что создатели саги «добавили» к имени «Борис» титульное княжеское «слав». Не исключено, что и сам Борис так называл себя, на славянский, княжеский лад, подчеркивая тем самым свои претензии... Ни Святополк, ни Глеб в саге не упоминаются; говорится о борьбе Ярослава и Бориса за Киев. Причем, Борис оказывается тесно связанным с «Туркландией» – тюркоязычными народностями; он ведет на Киев, где

находится Ярослав со своими норманнами, тюркоязычную «рать». Ярославу удается одолеть Бориса хитростью, подослав Эймунда и Рагнара, которые тайно пробираются в шатер Бориса и убивают его... Кто же убийца Глеба? Где находится Святополк? На эти вопросы сага не дает ответа...

Впрочем, существует еще одна причина, вследствие которой может быть понятна ненависть православной церкви именно к Святополку и объявление именно его убийцей Бориса и Глеба. Кстати, язычником Святополк быть не мог, тогда король-христианин Болеслав не отдал бы за него дочь. Но какого же рода христианином был Святополк? Кое-что проясняет «Хроника» Титмара Мерзебургского, в которой говорится о заточении Владимиром Святополка вместе с его женой и ее духовником... Прибавим сюда то обстоятельство, что Владимир получил христианство из Константинополя, Болеслав же был христианином «на римский манер»... Можно сказать, что Византия дважды выиграла в борьбе с Римом: первый раз – христианизировав «по константинопольскому подобию» дунайских болгар; и второй раз – то же самое проделав с Киевской Русью... Однако надо сказать, что в плане внешней политики это мало помогло Константинополю...

Итак, на примере истории Бориса и Глеба, мы можем понять прежде всего, как трудно «изучать и писать историю»; какая это непростая работа: сформулировать, составить, сопоставляя данные источников, ту или иную версию. И следует примириться с тем, что возможно существование нескольких версий одного и того же события. Но и это еще не все. Обратим внимание на то, что добродетели Бориса и Глеба и их убиение описаны в «Сказании» по определенному канону; в данном случае, по византийскому житийному канону. По определенному канону описано и убийство Бориса в Эймундовой саге; но здесь задействованы модели построения фольклорные, модели сказки, легенды.... Дело в том, что любой текст имеет свою структуру, состоит из определенных «канонических моментов». Собственно информация в любом тексте подается посредством использования определенных моделей построения текста. Это совсем не означает, что тексты лгут; нет, просто надо

уметь прочитать текст; надо уметь учитывать, в какое время жил создатель текста, какого был вероисповедания, каковы были его политические убеждения, у кого на службе он находился или мог находиться... Например, ясно, что Повесть временных лет ориентирована на византийские письменные традиции. Женитьба Владимира Мономаха на дочери англосаксонского правителя показывает его «англосаксонские связи», объясняющие, в свою очередь, использование «англосаксонской модели» в «Поучении». Трудно понять «Войну и мир», не разобравшись в том, как использует Толстой «модели», задействованные в «Пармской обители» Стендаля или в «Юлии или новой Элоизе» Руссо. И невозможно ориентироваться в литературной жизни Европы XX века, не понимая мощного влияния именно русских «литературных моделей»... Итак, будем учиться уважать текст; будем учиться видеть в создателе текста, даже если мы не знаем его, все равно будем учиться видеть в нем сложную личность, имеющую свои убеждения, свою ориентацию на определенные образцы...

И, конечно, очень-очень важно понять, что вовсе не непременно мы получим ответы на все интересующие нас вопросы; даже если будем работать много и плодотворно... Зачастую важным достижением является уже сама возможность сформулировать, задать вопрос; «поставить вопрос», что называется...»

Что же касается Бориса и Глеба, то, конечно, не стоит забывать о том, какое место занимают они в русской культуре; они русские святые, этого у них не отнимешь, несмотря на все версии их происхождения и жизни и смерти...»

В истории Бориса и Глеба, пожалуй, действительно неважно, кто заказчик убийства. В исторической памяти образы убиенных настолько переросли убийц, что Бог с ними, с окаянными, готовыми зарезать родного брата ради киевского престола. Важно народное сочувствие жертвам княжеских междоусобиц. Важна легенда, воплотившая в себе сочувствие, освятившее жертвы. Другое дело – тридцатые годы XX в. Жертвы этого времени – люди грешные, и не было попыток описывать их по византийским канонам. Однако

ореол божественного помазания примеривал к себе палач;
сталинская легенда золотит палача, и мне страшно за наших потомков, у которых палач, того и гляди, окажется в святых. Если ставился вопрос о канонизации Гришки Распутина, то ведь и канонизацию Сталина можно себе представить...

Я надеюсь, что это только мой кошмар, но кошмар «виртуальный». Мечта о грозном царе, который покончит с коррупцией и снизит квартирную плату, может побудить очередного президента намекнуть очередному патриарху на желательность признать Сталина бичом Божьим или каким-то еще небесным избранником, изведенным убийцами в белых халатах. То, что Сталину помогли умереть, вполне вероятно, Берия этим хвастал. Но поэтика легенды способна передвинуть несколько имен, несколько дат и провести каких-нибудь мудрецов Сиона на роль Святополка, а убийц в белых халатах изобразить исполнителями всемирного заговора. Верующие, подготовленные чтением «Протоколов сионских мудрецов», вполне способны принять скорректированное издание русской истории. Цитата из статьи Тростникова (в книге Харитонов) пригодится как образец стиля сталинского жития, и найдутся агиографы, которые выполнят заказ сердца.

В стране, где прошлое непредсказуемо, возможно и самое невероятное в будущем⁴.

⁴ Я придумал этот гротеск, еще не зная, что в патриотических газетах появились статьи, объясняющие террор тайной религиозностью Сталина, желанием освободить Россию от мерзавцев-безбожников. Любопытно, как будут оправдывать террор против крестьян, против военнопленных?